

Предварительный вывод был таков: этот ребёнок явно пересмотрел мультфильм «Счастливый барашек и Серый волк» и теперь считает, что все злодеи в мире такие же глупцы, как тот волк, и потому смело выходит на сцену, не боясь ни неба, ни земли.

— Ой!

Янь Янь сделал всего пару шагов, как вдруг споткнулся обо что-то и плашмя упал на землю, моментально скрывшись в высокой траве.

Шао Ицяннь слегка приподнял бровь и неуместно усмехнулся.

Он повернулся, чтобы войти в дом, но едва поднял ногу, как сзади раздалась серия звуков рвоты.

Шао Ицяннь без выражения сжал губы, умудряясь в такой напряжённой атмосфере найти минутку для злорадства. В голове тут же всплыли два слова: «Сам виноват».

Не останавливаясь, он продолжил идти, не меняя направления, и через несколько шагов переступил порог.

Голос Янь Яня настойчиво преследовал его сзади:

— Племянник, быстрее иди сюда!

Шао Ицяннь:

— ...

Чэнь Мэн оказался предателем, который платит злом за добро. Руководствуясь принципом «Враг моего врага — мой союзник», он решил ответить злом на добро и, сделав несколько шагов, подошёл к тому месту, где упал Янь Янь. Увиденное заставило его позвоночник похолодеть, ноги подкосились, и он неуклюже сел на землю.

— Боже мой, это Дурочка!

Сердце Шао Ицяння заколотилось, и он побежал обратно. Встав на месте, он сначала закашлялся, невольно выругавшись.

На месте падения Янь Яня оказался заброшенный колодец, вход в который был плотно закрыт густой травой. Если бы не случайное падение Янь Яня, никто бы не заметил этого.

Теперь на дне колодца лежал человек, который пропадал несколько дней, — Дурочка с западного конца моста.

Дурочка была настоящей дурой. В детстве её неосторожные родители случайно обожгли ей шею, оставив шрам размером с ладонь на углу челюсти. Шрам сморщился, стянув кожу вокруг, так что у Дурочки не было подбородка, и её нижняя губа будто бы соединялась прямо с шеей. Кроме того, у неё был сильный прикус, врождённый горб и кривая шея, из-за чего она всегда держала голову не прямо и выглядела очень узнаваемо.

Чтобы Шао Ицяннь не узнал её, Дурочка должна была превратиться в пепел.

Голая Дурочка была брошена на груды камней и кирпичей в колодце, её шея была вывернута под немыслимым углом, глаза широко раскрыты, белки глаз явно выделялись, а лицо было

искажено ужасом. Шрам на углу челюсти был бледным от потери крови. Её всегда растрёпанные волосы были вырваны в нескольких местах, обнажая синевато-бледную кожу головы с пятнами крови, которые застыли корками.

Кроме того, у неё был разрез от шеи до пупка, рана расходилась в стороны, и везде, где можно было увидеть, были старые пятна крови. Внутри уже ничего не осталось, от неё остались только голова и конечности.

... Как у свиньи, которую разделал мясник Дай.

Шао Ицян с трудом сглотнул, и вдруг по ногам пробежал холод, мурашки пошли по всему телу. Он с опозданием осознал, насколько жестоким был тот Разноглазый.

Он инстинктивно огляделся, осторожно поднял магнитофон, который упал в траву, увеличил громкость, поднес палец к губам, показывая «тише», затем с материнской заботой снял очки с Чэнь Мэна, надел их себе на затылок и на цыпочках пошёл в дом.

В доме был сильный запах спирта, под которым скрывался ещё более резкий, неопиcуемый запах, очень похожий на временный пункт переливания крови в соседнем медицинском пункте старины Чэня.

Эрудированный Чэнь Мэн, как липучка, крепко держался за руку Шао Ицяня, шаг за шагом продвигаясь вперёд, нервно сказал:

— Боже, это похоже на запах формалина.

Шао Ицян наклонил голову, смущённо спросив:

— Что?

Чэнь Мэн:

— Это для консервации и сохранения органов.

Янь Янь, прикрывая нос, чихнул пару раз. Он, кажется, действительно был храбрым, уверенно шёл впереди, по прямой дошёл до двери с полузакрытым замком и открыл ржавую дверь.

Едва дверь открылась, как что-то мясистое упало ему под ноги — на этом предмете торчали несколько толстых сосудов, сверху тупой, снизу острый, с тонкой прозрачной плёнкой на поверхности, как у замороженного тофу, который, казалось, можно было проткнуть одним прикосновением.

Чэнь Мэн сразу узнал:

— Печень!

Янь Янь развернулся и, как снаряд, отскочил назад, обхватил Шао Ицяня за талию, уткнувшись лицом в его старую майку, которую он не менял уже сто лет, и промычал:

— Это режет глаза!

Шао Ицян закатил глаза, думая: «Я ещё не разобрался с тобой за свиной хвостик, а ты кто такой?» Смирившись, он с трудом продвинулся вперёд с двумя обузами, приподнял заляпанный жиром полуоткрытый занавес.

За занавесом было небольшое пространство, половину которого занимала глиняная кровать, а другую половину — старый деревянный шкаф, который, как и занавес с утками, был в том же стиле: жирный и грязный.

В углу шкафа виднелся кусочек розового кружева.

Сердце Шао Ицяня заколотилось, он осторожно позвал:

— Ли Сиси? Сиси? Сяо Цзин? Это ты?

Никто не ответил.

Затем дверь шкафа со скрипом сама открылась... Вместе с этим раздался характерный крик Чэнь Мэна:

— Привидение!

Из шкафа выкатился розовый комок, на голове которого была коса из нездоровых волос, конечности были сжаты в кучку. Когда он выкатился, голова ударилась об пол, и он мгновенно проснулся, ошеломлённо придерживая голову, глупо сказал:

— Всё, карец, я порвала мамины колготки. Мне конец.

Шао Ицянь, Чэнь Мэн:

— ...

Девушка, очнись, мы всё ещё в логове волка, не думай только о колготках и помаде.

Ли Сиси не плакала и не кричала, её взгляд был пустым, словно она была одержима, глаза пристально смотрели на Шао Ицяня, заставляя его дрожать. Он мысленно прокомментировал: «Я не колготки».

Поднявшись, она обнаружила в задней части шкафа что-то, завернутое в синюю ткань, что кто-то скомкал и бросил туда.

Шао Ицянь развернул этот синий свёрток, и из него высыпались серебристые ножи, ножницы, щипцы и крючки — всё, что нужно.

Чэнь Мэн, знаток, энергично вытер руки о брюки, его глаза загорелись:

— Боже, это стоит целое состояние.

Шао Ицянь не стал тратить время на этого идиота, который не понимал обстановки, помахал рукой перед глазами Ли Сиси, щёлкнул пальцами и спросил:

— Серьги, которые твоя мама просила передать, я оставил их в классе.

Эти слова подействовали лучше, чем сто тысяч слов «Давай свалим отсюда». Ли Сиси вздрогнула, мгновенно вскочила на ноги, глаза приковались к земле, и она побежала с невероятной скоростью.

Они бежали друг за другом по дороге, где уже были люди, по пути едва удержав Ли Сиси, которая настаивала на том, чтобы пойти в класс за серьгами. К тому времени, когда они

вернулись домой, уже наступило время ужина.

Бабушка Шао, не найдя их, волновалась, увидев, как два малыша бегут друг за другом, оба в поту, запыхавшиеся, словно потерявшие душу, и только тогда она вздохнула с облегчением.

Глядя на нынешний облик Шао Ицяня, она почувствовала необъяснимую тревогу.

Шао Ицянь был единственным наследником семьи Шао, но он не унаследовал характерные для мужчин Шао густые брови и большие глаза, а вместо этого получил от матери лицо с ярко выраженными чертами лисицы.

В детстве это было не так заметно, он мало отличался от других детей, но к семи-восемью годам начали проявляться черты его будущего облика: необычайно яркие глаза-миндалины, которые даже в гневе невольно излучали улыбку; тонкие губы, тонкие мочки ушей, лишённые счастья.

Мужчина с женским лицом — такие люди всегда находятся на двух крайностях.

<http://bllate.org/book/16843/1549569>